

— Не спеши, — отозвался папа Годжо. На фоне взволнованного расспросами юноши он, как и подобает взрослому, сохранял абсолютное спокойствие.

На его губах по-прежнему играла мягкая улыбка. Придвинув к Харе тарелочку с ёканом, украшенным тончайшей золотой фольгой, он ласково добавил:

— Сначала перекуси. К чаю — в самый раз.

Мальчик выглядел болезненно бледным. Сатору обеспокоенно оглядел его: Харе казался слишком хрупким, словно мог простудиться от малейшего сквозняка по дороге сюда. Годжо отчаянно захотелось поскорее согреть его, а заодно — немного виновато — увести разговор в сторону.

Сказать по правде, никакой веской причины вызывать Харе в главное поместье не было. Всё это — лишь предлог, который придумал папа, чтобы заманить ребёнка домой на день рождения.

Харе молча сидел на стуле, никак не реагируя на уговоры. Он явно твёрдо вознамерился сначала получить ответы на свои вопросы.

В этот момент слуга принёс чистое сухое полотенце. Годжо Сатору привычным жестом перехватил его, набросил на голову притихшего Харе и принялся мягко вытирать ему волосы.

Рядом с высоченным, под два метра ростом, папой Годжо сын казался совсем крохотным. Из-за того что мальчик низко опустил голову, его затылок и шея оказались полностью открыты. Даже сквозь бинты отчётливо проступали позвонки — аккуратные, тонкие, напоминающие крошечные горные вершины.

Сатору бросил на него быстрый взгляд из-под прикрытых век, и его улыбка тут же угасла, сменившись щемящей жалостью.

«И почему он совсем не поправляется? Я ведь так стараюсь его откормить...»

«Всё из-за этих проклятых ран...»

У Сёко продвижения пока не намечалось, но это ничего. Главное — вернуть мальчика домой, а способ помочь ему они обязательно найдут.

В крайнем случае можно поймать Сукуну и использовать его как ходячий запас крови... Папа Годжо не сомневался, что Король проклятий будет только рад такому раскладу.

Сатору настолько погрузился в свои мысли, что не сразу заметил, как голова мальчика под его ладонями мелко задрожала. Раздался тихий, похожий на жалобный писк котёнка всхлип.

Встревоженный Годжо мгновенно прекратил сушить волосы, обошёл стул и опустился перед Харе на корточки.

— Что случилось? Ёкан невкусный? — спросил он.

Его голос потерял привычную шутливую беззаботность, зазвучав глубоко и мягко. Сейчас в нём чувствовалась надёжная отцовская опора.

Харе и без того плакал из-за разрывавшего его душу противоречия: он чувствовал себя невероятно счастливым здесь и сейчас, но знал, что вскоре этот хрупкий мир разлетится вдребезги. Заботливый вопрос отца окончательно разрушил плотину его сдерживаемых чувств. Мальчик разрыдался в голос.

— Почему... — всхлипывал он, едва дыша. — Учитель Годжо... Зачем вы так добры ко мне? Я ведь всего лишь новый ученик...

— Зачем вы тащите на себе заботу о стольких людях? Неужели вы никогда не думали о себе самом?..

— Я... я ненавижу вас за это! Почему вы не можете быть хоть немного эгоистичнее?

— Разве думать о собственной жизни... разве это грех?..

Он плакал так горько, что содрогалось всё его тело. Тканевая повязка на глазах мгновенно намокла от слёз. Слова вырывались прерывистыми, рваными кусками, обнажая скопившуюся внутри боль.

Мысленно Харе умолял себя замолчать, твердил, что не имеет права кричать на папу. Но чувства вышли из-под контроля. Задыхаясь от рыданий, он перешёл на откровенный крик:

— Дураки! Вы оба — круглые дураки! И вы, и господин Гето!

А выговорившись, испугался собственных слов и запричитал ещё жалобнее:

— Простите... Простите меня... Я просто... я так сильно вас люблю... Как же это невыносимо...

Он то ненавидел их, то признавался в любви, путаясь в собственных чувствах, а слёзы всё катились и катились по его щекам.

Годжо Сатору растерянно смотрел на него снизу вверх. В его широко распахнутых глазах застыло полное смятение. Сдерживаться становилось невыносимо, он едва не признался во всём прямо сейчас, но здравый смысл — ведь Гето ещё не пришёл — вовремя остановил его.

Он нерешительно приподнял руки, порываясь прижать плачущего ребёнка к груди и успокоить, но так и замер на полпути. С трудом совладав с собой, Сатору опустил ладони и лишь мягко похлопал Харе по колену, попытавшись отшутиться в своей обычной манере:

— Ха-ха, ну что ты! Твой учитель ведь самый сильный!

«Опять он за своё!» — вспыхнул Харе.

Мальчик нахмурился, и его плач оборвался в ту же секунду.

Эти слова задели его за живое. Ещё мгновение назад безутешно рыдавший подросток резко вскочил на ноги. Не говоря ни слова, он наградил отца яростным взглядом и стремительно направился к выходу.

Опешивший Сатору остался сидеть на корточках.

«Что я сделал не так? Кажется, он разозлился ещё сильнее...»

Харе действительно был вне себя от гнева. Он шагал прочь, сердито сопя и скрипя зубами от досады. Лишь у самого перехода на галерею он сообразил, что на его голове всё ещё болтается полотенце.

Резким движением сорвав его, юноша круто развернулся и вихрем полетел назад. Подскочив к только что поднявшемуся на ноги папе Годжо, он со всей силы впечатал полотенце ему в грудь:

— И что с того, что самый сильный?! Сильнейшие — не люди, по-вашему? Им не бывает больно? У них не течёт кровь? Или вы думаете, что о вас некому переживать?!

Харе тяжело дышал, его лицо пылало от гнева и смущения. Но папа Годжо лишь мягко сощурился и тепло улыбнулся:

— Харе, ты ведь просто беспокоишься обо мне, верно?

«Надо же, сын читает мне нотации... Похоже, отец из меня и впрямь никудышный».

— Я...

Харе хотел было возмущённо всё отрицать, но слова застряли в горле. Смутившись под пристальным взглядом отца, он отвернулся и неохотно кивнул.

Сильные эмоциональные потрясения мешали ему собраться с мыслями.

«Глупый, ну зачем я наговорил лишнего?» — корил он себя.

«Вдруг папа что-то заподозрит?»

Они ведь скоро расстанутся. Нужно было просто потерпеть ещё немного. Но тоска от скорой разлуки оказалась сильнее разума — чувства вырвались наружу, и совладать с ними не удалось.

Пусть для остального мира его отец был величайшим героем и оплотом всей магической общины, а мама — опаснейшим проклинателем, творящим безумства ради призрачных идеалов. Для Харе они оставались просто родителями.

Самыми близкими людьми, которых ему хотелось защитить и согреть своим теплом.

Единственное, о чём он молил — чтобы они стали хоть немного эгоистичнее.

Харе отвёл взгляд и уставился на капли, стекающие со стрехи. Дождь на улице едва накрапывал, тонкие водяные струйки неторопливо собирались в желобах крыши.

Они падали медленно и уныло — куда медленнее, чем катились его собственные слёзы минуту назад.

Пока он заворожённо наблюдал за каплями, на его взъерошенные после полотенца белые волосы мягко легла широкая, тёплая ладонь.

Глава клана Годжо нежно потрепал его по голове и негромко произнёс:

— Я понял тебя. Если случится что-то, с чем я не смогу справиться в одиночку, я обязательно попрошу о помощи. Собственно, ради этого я и позвал тебя сегодня.

— А?.. — Харе изумлённо обернулся, не веря своим ушам.

Только сейчас он заметил, что в коридоре неподалёку собралось несколько служанок. Они с любопытством подглядывали за ними и тихо перешёптывались:

— Невероятно... Нашего главу отчитывают...

— Какое редкое зрелище! Не думала, что доживу до дня, когда господину Сатору будут читать нотации.

— Если бы это увидели старейшины, они бы точно расплакались от счастья!

— Ну, справедливости ради, наш господин не настолько уж им ненавистен...

Харе замер, чувствуя, как краска стыда заливает шею.

Осознав, как глупо выглядел со стороны — разревелся прямо перед отцом, да ещё и накричал на него, — юноша готов был сквозь землю провалиться. Он поспешно опустил голову, изо всех сил делая вид, что увлечён созерцанием собственных пальцев.

Все его чувства были написаны на лице. Сатору, заметив это, решил ковать железо, пока горячо:

— Харе, это поместье — очень важное для меня место. Я бы хотел, чтобы завтра ты остался здесь и защитил его. Поможешь мне?

Это был наспех придуманный предлог, единственной целью которого было удержать сына дома в безопасности.

Ничего не заподозрив, Харе решил, что во время завтрашнего Ночного парада сотни демонов поместье клана Годжо тоже подвергнется нападению, и тут же согласно кивнул.

Всё ещё сгорая от смущения, он позволил слугам увести себя в дальнее крыло. К его величайшему изумлению, комната, которую ему отвели, один в один повторяла его спальню из родного мира. Он и подумать не мог, что судьба вновь подарит ему шанс оказаться здесь.

Харе опустился на колени и осторожно провёл ладонью по гладкой поверхности низкого столика из палисандра.

В его прошлом мире незадолго до перемещения тоже был день рождения. Именно тогда он узнал правду о своих родителях. Вернувшись в комнату с разбитым сердцем, он увидел на этом самом столике тарелку праздничного сэкихана, заботливо приготовленного слугами. В тот вечер у него маковой росинки во рту не было, а остывший рис с красной фасолью он доел лишь на следующий день.

Знакомая обстановка помогла Харе успокоиться. Он умылся и переоделся в принесённую слугами новую юкату молочно-белого цвета.

Папа Годжо велел ему остаться на ночь ради безопасности. Повязав пояс в тон кимоно, мальчик послушно забрался под одеяло.

В его голове роились сотни тревожных мыслей, и Харе казалось, что он не сомкнёт глаз до утра. Однако стоило ему коснуться подушки, как он мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Ближе к полуночи у главного дома усадьбы Годжо зашумели люди. Шаманы из школы магии, промокшие под непрекращающимся дождём, с удивлением увидели главу Культа Древних Сказаний, выходящего из покоев Сатору. По привычке напрягшись, они тем не менее неловко поклонились и хором выдавили:

— Здравствуйте... матушка!

У Гето Сугуру от такого обращения нервно дёрнулся уголок рта.

— Называйте меня просто Гето...

— А где учитель Годжо? — поинтересовался кто-то, вытягивая шею и пытаясь заглянуть ему за спину.

— Сидит внутри и от нервов пожирает сладости в промышленных масштабах, — вздохнул Сугуру. Если бы он вовремя не отобрал коробку, Сатору схомячил бы именинный торт ещё до полуночи.

— Вот уж не думали, что учитель вообще умеет нервничать!

— Почти двенадцать. Он ведь не опоздает?

Сквозь глубокий сон до Харе донеслись приглушённые голоса. Шорохи и неразборчивый шёпот проникали сквозь закрытые двери. Из всего гула он сумел разобрать лишь обрывок фразы: «Может, пора разбудить молодого господина?»

Мальчик приоткрыл заспанные глаза. На полупрозрачной бумаге раздвижных дверей сёдзи колыхалось множество теней. На улице явно творилось что-то необычное, но непреодолимая дремота снова потянула его в сон.

Обстановка была слишком родной. Решив, что это слуги пришли звать его на утренние занятия к старейшинам, Харе по привычке натянул одеяло на голову и сонно пробормотал:

— Не пойду... Скажите, что я заболел...

И тут его словно током ударило.

Он резко распахнул глаза.

«Это ведь другой мир!»

Сон мгновенно испарился. Харе рывком сел на постели и посмотрел на дверь.

Силуэтов снаружи действительно было слишком много.

«Неужели Ночной парад демонов начался раньше времени?!» — пронеслась паническая мысль.

Плохо дело. Который сейчас час?!

Не помня себя от страха, он соскочил с кровати и, даже не подумав обуться, босиком бросился к выходу, настежь распахивая сёдзи.

Ледяной ветер занёс в комнату колючую изморось зимней ночи. Мальчик поёжился от холода и поднял глаза. Увиденное заставило его застыть на пороге.

На открытой веранде стоял Гето Сугуру, бережно держа в руках торт собственного приготовления. Вокруг него тесным полуколыцлом сгрудились ученики, пытаясь защитить пламя от ветра. Папа Годжо с самым сосредоточенным видом безуспешно щёлкал зажигалкой, пытаясь зажечь именинные свечи. Несколько служанок шёпотом подбадривали своего главу.

В конце концов подросшая Сёко со вздохом полного разочарования бесцеремонно оттолкнула Сатору плечом и зажгла фитили парой ловких движений.

Тёплый свет озарил лица собравшихся. Услышав стук открывшейся двери, все одновременно повернули головы к Харе.

Несколько секунд они просто молча смотрели друг на друга.

«Вот чёрт, — пронеслось в мыслях у толпы. — Именинник проснулся раньше времени!»

Сам Харе пребывал в полном недоумении.

«Что это за сюрреализм? Откуда здесь люди из Культа Древних Сказаний?»

Покачавшись на ветру, минутная стрелка на часах бесшумно перешагнула отметку двенадцати. Полночь наступила.

Гето Сугуру сделал шаг вперёд, прикрывая ладонью дрожащие огоньки свечей, и мягко улыбнулся застывшему на пороге мальчику:

— С днём рождения, Харе Гето.

«Они решили поздравить меня...» — растерянно подумал Харе.

Он уже открыл рот, чтобы вежливо поблагодарить, но тут смысл услышанных слов дошёл до его сознания. Внутри словно разорвался грозовой разряд.

Лицо юноши мгновенно побелело, мысли спутались.

— Что?..

— Как вы меня сейчас называли?..

Харе Гето?!

Откуда они узнали? Он ведь ни единой живой душе в этом мире не открывал своей фамилии! Почему?

Почему все улыбаются? Почему они так смотрят на него?

Дрожь охватила всё тело мальчика, земля уходила из-под ног. Заметив его панику, Сатору широко улыбнулся и гордо вскинул подбородок:

— Это ведь я придумал тебе имя. Харе...

Харе — тёплый, ясный и солнечный день.

Точно такой же, как погода в тот день, когда они с Сугуру встретились впервые.

— С днём рождения, глупый сын. Загадывай желание!

<http://bllate.org/book/19043/2005288>